

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ
в серии
«Азбука Premium»:

ПТИЦЫ
и другие истории

СИНИЕ ЛИНЗЫ
и другие рассказы

РАНДЕВУ
и другие рассказы

БЕРЕГА
Роман о семействе Дюморье

НЕ ПОЗЖЕ ПОЛУНОЧИ
и другие истории

ТРАКТИР «ЯМАЙКА».
МОЯ КУЗИНА РЕЙЧЕЛ

ГОЛОДНАЯ ГОРА
КОРОЛЕВСКИЙ ГЕНЕРАЛ

БОГЕМА

ПОЛЕТ СОКОЛА

ДУХ ЛЮБВИ

ЗАМОК ДОР
ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ

ДОМ НА БЕРЕГУ

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Дом на берегу

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
THE HOUSE ON THE STRAND
Copyright © Daphne du Maurier, 1968
All rights reserved
This edition is published by arrangement
with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

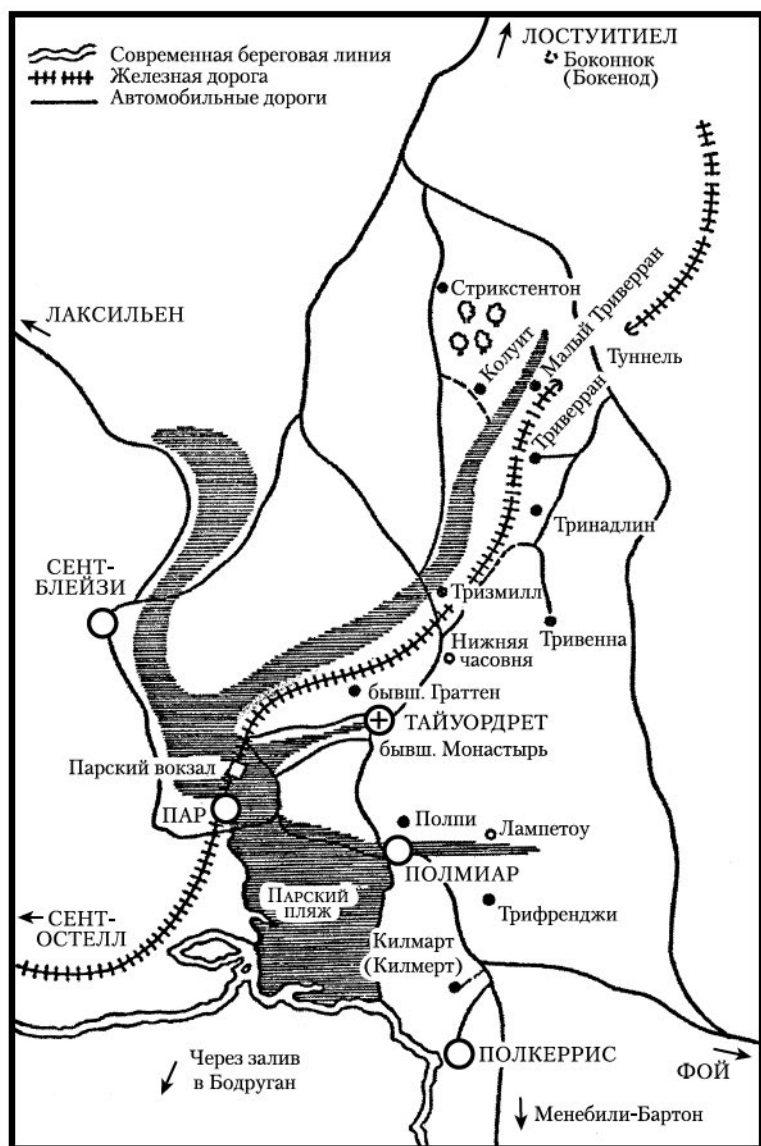
Перевод с английского
Ларисы Бондаренко, Нины Зониной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

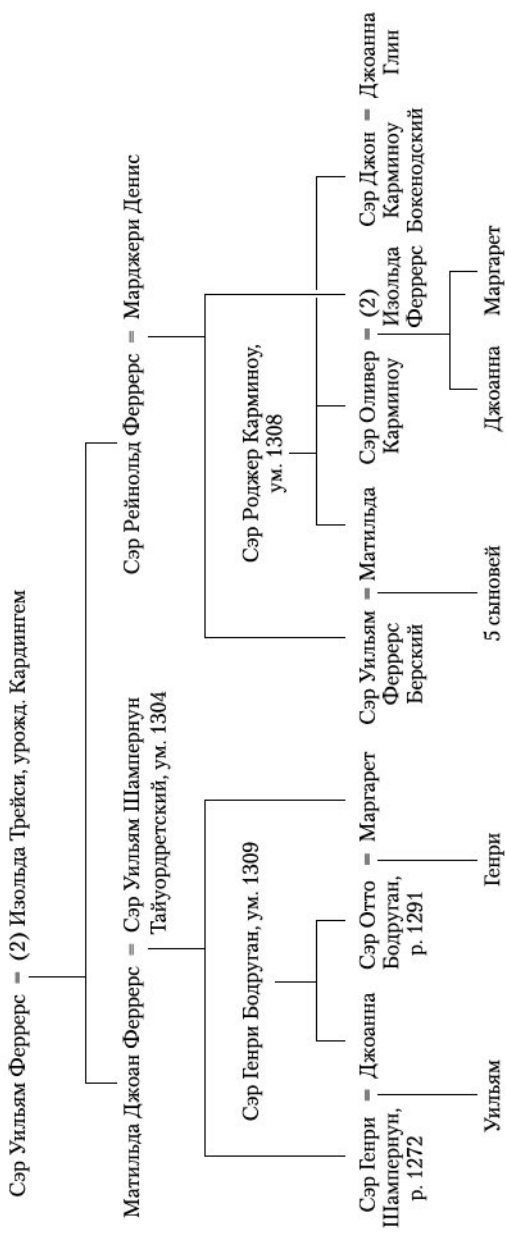
ISBN 978-5-389-10712-0

© Л. Бондаренко, перевод (гл. 13–24), 2018
© Н. Зонина, перевод (гл. 1–12), 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Часть Тайуордретского прихода. Во времена Роджера Килмерта заштрихованная на карте область находилась под водой.

Генеалогическое древо Шампернунов, Карминоу и Бодруганов. XIV в.

Глава первая

Первое, что бросилось мне в глаза, — это прозрачность воздуха, затем — ярко-зеленый цвет лугов. Никаких полутонов. Вершины отдаленных гор не сливались с небом. Своими резкими очертаниями они напоминали скалы и, казалось, находились совсем близко, так близко, что до них можно дотронуться рукой. Это ошеломило и удивило меня — нечто подобное, должно быть, испытывает ребенок, впервые посмотревший в подзорную трубу. Рядом со мной все обладало такой же контрастностью, выделялся каждый стебель, каждая травинка, произрастающая из более молодой и грубой почвы, чем та, которую знал я.

Я ожидал (если вообще чего-то ожидал) совсем иных метаморфоз: я полагал очутиться в мире умиротворения и благоденствия, в некоей материализации мечты, где все расплывчато и не имеет четких контуров. Я не был готов к такой контрастности, к такой пронзительной реальности. Ни во сне, ни наяву мне не приходилось видеть ничего подобного. Теперь все представлялось мне ярче и рельефнее, все мои ощущения, чувства — зрение, слух, обоняние — были как бы обострены.

Все, кроме осязания: я не ощущал земли под ногами. Магнус предупредил меня об этом. Он сказал: «Ты не будешь чувствовать соприкосновений с неодушевленными предметами. Ты будешь ходить, стоять, сидеть, касаться их, но не будешь ничего осязать. Пусть это тебя не беспокоит. Разве не чудо уже то, что ты можешь двигаться, ничего при этом не ощущая?»

Конечно, я воспринял это как шутку, как обыкновенную приманку с целью соблазнить меня согласиться на эксперимент. Теперь я убедился, что Магнус был прав. Я пошел вперед, ощущая невероятную легкость: мне не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы двигаться, — казалось, я парю, не касаясь земли.

Я спускался с холма по направлению к морю, проходя через поле, покрытое серебристой осокой, которая поблескивала на солнце: небо, серое еще минуту назад, когда я видел его обычным своим зрением, теперь стало безоблачным и ослепительно-голубым. Я вспомнил, что был отлив, обнаживший ровные песчаные полосы, и на этом золотом фоне резко выделялся ряд пляжных кабинок, напоминавших оскаленные зубы. Теперь они исчезли. Исчезли и дома, стоявшие вдоль дороги, пирсы, не видно было и поселка Пар с его трубами, крышами, зданиями, и городка Сент-Остелл, который, как спрут щупальцами, охватывал всю местность по ту сторону залива. Ничего этого не было. Были только трава и кустарник и вдалеке высокие горы, казавшиеся теперь такими близкими. А прямо подо мной море катило свои волны в залив, омывая пустой песчаный берег — словно до этого там пронеслось цунами, поглотившее без следа всю окрестность. На северо-западе скалы подступали к самому морю, которое, постепенно сужаясь, образовывало широкий рукав, и волны неслись вглубь его вдоль всего изгиба суши и исчезали вдали.

Когда я подошел к краю скалы и взглянул вниз, туда, где у подножия Полмиарского холма должна была проходить дорога и стоять гостиница, кафе, богадельня, то понял, что море и здесь поглотило сушу и образовало залив, который вытянулся на восток, врезавшись в долину. Дорога и дома исчезли, а вместо них сверкала водная гладь. В этом месте залив резко сужался, зажатый тонкими песчаными берегами, и было ясно, что при сильном отливе вся вода уходит, оставляя лишь болотистое русло,

которое можно перейти вброд, если не пешему, то всаднику уж точно. Я спустился с холма и подошел к заливу, пытаюсь определить, в каком точно месте проходила знакомая мне дорога, но прежние ориентиры были утрачены: не осталось ничего, кроме земли, долины и холмов, что помогло бы восстановить картину местности.

Частые мелкие волны залива набегали на песчаные берега, оставляя на них хлопья густой пены. Надувались, росли и лопались пузыри, о берег бился неподвластный времени мусор, принесенный приливом, — целая бахрома из морских водорослей, перьев, прутьев, — как после осеннего шторма. Я знал, что в моем времени сейчас самый разгар лета, хотя день был серый и хмурый, но здесь все вокруг меня говорило о приближающейся зиме. Было явно за полдень: яркое солнце уже склонялось на запад, готовилось вот-вот окрасить небо в темно-багряный цвет, как это бывает перед наступлением вечера.

В поле зрения попали первые живые существа: чайки, мечущиеся над волнами, небольшие болотные птицы, скользящие по поверхности воды, а на противоположном берегу, на горе, резко выделявшейся на фоне неба, медленно тащилась запряженная в плуг упряжка волов. Я закрыл и вновь открыл глаза. Упряжка скрылась за склоном. Но гвалт стаи потревоженных чаек убеждал меня, что все это действительность, а не сон.

Я глубоко вдохнул, и холодный воздух наполнил мои легкие. Просто дышать доставляло мне ни с чем не сравнимую радость, это было похоже на какое-то волшебство — ничего подобного я никогда ранее не испытывал. Осмыслить разумом, проанализировать то, что я видел, было невозможно: в этом новом мире чувственного восприятия я мог полагаться только на остроту собственных ощущений.

Должно быть, я простоял так очень долго, замороженный, готовый вечно парить между небом и землей, вдали от жизни, которую я знал или хотел узнать, но, повернув

голову, я увидел, что не один. Пони, по-видимому, следовал моим же путем, через поле, и потому я не слышал топота копыт, но теперь, когда он ступил на гальку, звук от соприкосновения металла с камнем достиг моего слуха, и я почувствовал запах теплого животного, потного и сильного.

Я инстинктивно подался назад, поскольку всадник ехал прямо на меня, не подозревая о моем присутствии. Он приостановил пони у кромки воды и посмотрел в сторону моря, оценивая уровень прилива. Тут я впервые испытал не только возбуждение, но и страх, поскольку передо мной был не призрак, а живой, во плоти, человек — ноги в стремях, в руках поводья — в такой невероятной близости от меня, что мне стало не по себе. Я не боялся, что меня собьют; в смятение меня ввергла сама эта встреча, это соединение веков — его и моего. Он отвел взгляд от моря и посмотрел на меня в упор. Мне казалось, он видит меня, мне казалось, я отчетливо прочитал в его глубоко посаженных глазах знак приветствия. Он улыбнулся, потрепал пони по холке и, прищиприв его, направил вброд на другой берег.

Нет, он не видел меня, не мог он меня видеть, ведь он жил в другом времени. Тогда почему же он внезапно поднялся в седле, обернулся и посмотрел прямо на меня? Это был призыв, властный и странный: «Следуй за мной, если не трусишь!» Я прикинул на глаз глубину брода и, хотя вода доходила пони до колен, бросился за ним, не думая о том, что могу промокнуть, — и только выйдя на противоположный берег, мимоходом отметил про себя: а ботинки-то совсем сухие!

Всадник поехал в гору, и я последовал за ним. Дорога была крутая и размытая; поднимаясь вверх, она резко поворачивала влево. Я с радостью заметил, что она в точности совпадает с той, по которой я ехал на машине только сегодня утром. Но на этом сходство заканчивалось: живой изгороди из кустарника, окаймлявшей дорогу в мо-

ем времени, здесь не было. Справа и слева лежали пахотные земли, ничем не защищенные от ветров; кое-где виднелись участки, поросшие низкорослым вереском и утесником. Мы поравнялись с упряжкой волов, и я наконец смог разглядеть самого пахаря: маленького роста, в каком-то балахоне с капюшоном, он всей тяжестью своего тела навалился на деревянный плуг. Пахарь поднял руку, приветствуя моего всадника, что-то прокричал и побрел за плугом дальше. Над его головой кружили и кричали чайки.

Этот обмен приветствиями был настолько естественным, что состояние шока, в котором я находился с того момента, когда впервые увидел всадника у брода, уступило место удивлению, а затем спокойствию. Я вспомнил свое первое путешествие, еще ребенком, во Францию: я ехал ночным поездом и утром, с нетерпением открыв в купе окно, смотрел, как мимо проносятся поля, деревни и города, склоненные фигурки людей, работавших в поле подобно этому землепашцу, и по-детски удивлялся: «Интересно, они такие же живые, как я, или просто притворяются?»

Сейчас для моего удивления было куда больше оснований, чем тогда. Я смотрел на всадника, на его пони и двигался за ними на таком близком расстоянии, что мог дотронуться до них рукой, ощущал их запах. От них обоих шел такой сильный дух, как будто они вобрали в себя аромат самой жизни. Струйки пота, стекавшие по бокам животного, его косматая грива, следы пены на удилах, а еще сильное колено и обтянутая чулком нога, кожаная куртка поверх рубахи, мерное покачивание в седле, руки, держащие поводья, само лицо, обветренное, худое, обрамленное темными волосами, закрывавшими шею, — вот где была настоящая реальность, и чужеродным элементом был я сам.

Мне страстно захотелось протянуть руку и дотронуться до пони, но я вспомнил предупреждение Магну-

са: «Если встретишь существо из прошлого, то, ради бога, не притрагивайся к нему. Неодушевленные предметы — пожалуйста, но, если ты попытаешься войти в контакт с живой материей, связь прервется и твой выход оттуда будет осложнен неприятными последствиями. Я это испытал и знаю, о чем говорю».

Дорога вела сначала через пахотные земли, затем резко пошла вниз. Совсем иной ландшафт открылся моему взору. Деревня Тайуордрет, которую я видел всего несколько часов назад, изменилась до неузнаваемости. Многочисленные дома, беспорядочно расположившиеся к северу и западу от церкви, исчезли. Теперь на этом месте находилось небольшое селение, своим примитивным видом напоминавшее игрушечную ферму, которую я, помню, строил на полу своей комнаты в детстве. Маленькие приземистые дома, крытые соломой, теснились вокруг большого общинного луга, по которому разгуливали свиньи, гуси, куры, два или три стреноженных пони и сновали вездесущие собаки. Над этими убогими жилищами поднимался дым, но он выходил не из труб, а из отверстий в крыше. Сразу за селением стояла церковь, и здесь уже красота и гармония вновь вступали в свои права. Но это была не та церковь, которую я видел несколько часов назад. Она была поменьше и без башни; вплотную к ней примыкало длинное невысокое каменное строение, и все это было окружено каменной стеной. За стеной тянулись огороды, сад, служебные постройки и небольшой лесок. А далее — спуск в долину, где виднелся глубоко врезавшийся в нее залив.

Я бы так стоял и смотрел не отрываясь: открывшийся передо мной вид завораживал своей неброской красотой, но мой проводник двинулся дальше, и неведомая сила вновь потянула меня за ним. Дорога спускалась к луку, и вскоре я оказался в гуще деревенской жизни: у колодца стояли женщины, юбки у них были подоткнуты, головы покрыты платками, повязанными так, что на лице

нельзя было разглядеть ничего, кроме глаз и носа. Появление моего всадника вызвало оживление. Залаляли собаки, из домов, при ближайшем рассмотрении оказавшихся просто лачугами, вышли еще женщины, луг заполнился голосами. Несмотря на непривычный перека́т взрывных согласных, в их речи безошибочно можно было распознать картавость корнуоллского диалекта.

Всадник свернул влево, спешился перед церковной стеной, накинул поводья на вкопанный в землю крюк и вошел в широкие, обитые медью ворота. Над аркой ворот выделялась деревянная фигура святого, облаченного в рясу и держащего в правой руке крест святого Андрея. Мое католическое воспитание, давно забытое и не раз мной осмеянное, заставило меня невольно перекреститься перед входом, и в тот же момент во дворе зазвонил колокол, так всколыхнувший глубины моей памяти, что я даже остановился, не решаясь войти, в страхе, что та, старая, сила опять, как в детстве, обретет надо мной власть.

Но я напрасно беспокоился. Сцена, которая предстала моим глазам, не имела ничего общего с правильными дорожками и газонами в тихих монастырских обителях, ореолом святости, тишиной, порожденной молитвами. За воротами оказался грязный двор, по которому какие-то два человека гонялись за испуганным мальчишкой, хлестая его цепами по обнаженным бедрам. Оба, судя по одежде и выбритым макушкам, были монахами, а мальчишка — послушником. Полы его рясы были заткнуты за пояс, что, по-видимому, делало забаву более пикантной.

Всадник неподвижно наблюдал за этим действием, но, когда мальчик наконец упал и ряса, задравшись до самой головы, обнажила все его худое тело, голую спину, он крикнул:

— Еще не время выпускать из него кровь! Приор¹ предпочитает молочных поросят без соуса. Приправы

¹ Настоятель в католических мужских монастырях.

подают только тогда, когда поросенок становится жестким.

Тем временем колокол продолжал звонить к молитве, не оказывая никакого воздействия на шутников во дворе.

Сорвав аплодисменты за свою остроту, мой всадник пересек двор и вошел в здание напротив, очутившись в коридоре, который, судя по запаху протухшей птицы, слегка облагороженному запахом дыма из очага, отделял кухню от трапезной. Игнорируя тепло и ароматы кухни справа, а также прохладу трапезной с голыми скамьями слева, он толкнул центральную дверь и поднялся по лестнице на другой этаж, где оказался перед еще одной дверью. Он постучал в нее и, не дождавшись ответа, вошел.

В комнате с деревянным потолком и оштукатуренными стенами чувствовалось некое подобие комфорта — ничего общего с выскобленным и вылизанным аскетизмом, с которым всегда были связаны мои детские воспоминания. На устланном камышом полу валялись обглоданные собаками кости. Кровать с засаленным балдахином, стоявшая в дальнем углу, служила, по-видимому, складом всякого хлама: на ней валялись баранья шкура, пара сандалий, головка сыра на жестяной тарелке, удочка, и посреди всего этого вороха возлежала борзая, занятая поиском блох.

— Приветствую вас, святой отец, — сказал мой проводник.

Нечто приподнялось на кровати, потревожив борзую, которая спрыгнула на пол. Это был престарелый, розовощекий монах, еще не пришедший в себя ото сна.

— Я распорядился меня не беспокоить, — сказал он. Мой проводник пожал плечами.

— Даже для молитвы? — спросил он и потрепал собаку, которая жалась к нему, виляя обрубком хвоста.

Его сарказм остался без внимания. Приор, поджав под себя ноги, еще плотнее укрылся одеялом.

— Мне нужен отдых, — сказал он, — хороший отдых, чтобы быть в форме для приема епископа. Слыхал новости?

— Сплетен всегда полно, — ответил проводник.

— Это не сплетни. Сэр Джон прислал вчера письмо. Епископ уже выехал из Эксетера и в понедельник, после посещения Лонстона, будет здесь. Он рассчитывает найти у нас радушный прием и ночлег.

Проводник улыбнулся:

— Епископ знает, когда и к кому ехать. Мартынов день: на ужин — только что заколотый поросенок. Вам нечего волноваться — он отойдет ко сну с набитым брюхом.

— Нечего волноваться? — В раздраженном голосе приора послышались визгливые нотки. — Думаешь, легко сладить с этим неуправляемым сбродом? Хорошее впечатление они произведут на епископа! Он ведь что новая метла — намерен очистить от скверны всю епархию.

— Они будут кроткими, как ягнята, если вы пообещаете им награду за пристойное поведение. Главное — не потерять благосклонность сэра Джона Карминоу, остальное не важно.

Приор беспокойно заерзал под одеялом.

— Сэра Джона не так легко провести, он себе на уме и умеет угодить и вашим и нашим. Он, может, и наш покровитель, но только станет ли он заступаться за меня, если ему это невыгодно?

Проводник поднял с пола кость и протянул собаке.

— В нынешней ситуации сэр Генри как хозяин земель будет иметь больший вес, чем сэр Джон, — сказал он. — Этот кающийся грешник не оставит тебя. Ручаюсь, он сейчас стоит коленопреклоненный в часовне.

Приору не очень-то понравились эти слова.

— Как его управляющему, тебе не мешало бы выказывать ему больше почтения, — заметил он, а затем добавил задумчиво: — Генри де Шампернун гораздо благочестивее меня.

Мой проводник рассмеялся:

— Душа страждет, да плоть не позволяет, святой отец? — Он потрепал борзую за ухом. — Лучше не вспоминать о плоти перед приездом епископа. — Он выпрямился и подошел к постели. — Французский корабль стоит на рейде у Килмарта. Он пробудет там еще в течение двух приливов, и, если вам угодно, я могу отвезти туда письмо.

Приор сбросил одеяло и с трудом слез с кровати.

— Пресвятой Антоний, что же ты раньше не сказал?! — вскричал он и начал рыться в груде бумаг, лежавших на скамье у кровати.

Он являл собой довольно жалкое зрелище в своей рубашке, из-под которой торчали тощие ноги с выступающими венами и огромными, невероятно грязными ступнями.

— Я ничего не могу найти в этой свалке, — пожаловался он. — Почему мои бумаги вечно в таком беспорядке? Почему, когда мне нужен брат Жан, его никогда нет на месте?

Он схватил со скамьи колокольчик и позвонил, недовольно бурча что-то в адрес моего проводника, который громко смеялся. Почти в тот же миг вошел монах: судя по всему, он подслушивал под дверью. Он был молод, темноволос, с удивительными лучистыми глазами.

— Чем могу служить, святой отец? — спросил он по-французски и, прежде чем подойти к приору, обменялся взглядом с моим проводником.

— Ну быстрее же, пошевеливайся, — раздраженно сказал приор, вновь отворачиваясь к скамье.

Проходя мимо проводника, монах шепнул ему на ухо:

— Я принесу письма сегодня вечером и преподам тебе урок того искусства, которым ты пытаешься овладеть.

Проводник насмешливо поклонился в знак признательности и направился к двери:

— До свидания, святой отец. Не стоит из-за епископа терять сон.

— До свидания, Роджер, до свидания. С Богом.

Когда мы вместе выходили из комнаты, проводник презрительно поморщил нос. К затхлому запаху душной комнаты приора теперь примешивался тонкий аромат духов, исходивший от рясы французского монаха.

Мы спустились по лестнице. Но прежде чем свернуть в коридор, проводник на минуту остановился, затем приоткрыл какую-то дверь и заглянул внутрь. Это был вход в часовню; монахи, развлекавшиеся с послушником, теперь молились, — точнее, делали вид, что молятся. Их глаза были опущены долу, губы шевелились. Там были еще четверо, которых я не видел во дворе, двое из них крепко спали на своих скамьях. Послушник же, съездившись, стоял на коленях и тихо, горько плакал. Единственный, в ком чувствовалось достоинство, был мужчина средних лет, облаченный в длинную мантию, с седыми кудрями, обрамлявшими его приятное, благородное лицо. Набожно сложив руки, он молился, устремив взор к алтарю. Это, подумал я, наверное, и есть сэр Генри де Шампернун, владелец земель и хозяин моего проводника, о благочестии которого говорил приор.

Проводник прикрыл дверь и, пройдя по коридору, вышел наружу, пересек опустевший уже к тому моменту двор и направился к воротам. На лугу тоже никого не было: женщины ушли от колодца. На небе появились тучи, день клонился к вечеру. Проводник оседлал пони и повернул к дороге, идущей через пахотные земли на холме.

Я не имел понятия о времени — ни о его, ни о моем. У меня по-прежнему отсутствовало чувство осязания, и я без всяких усилий поспевал за ним. Мы спустились по дороге к броду: был сильный отлив, и на этот раз вода не доходила даже до колен животного. Перейдя брод, мы двинулись вверх через поля.

Когда мы поднялись к вершине холма, поля приобрели знакомые мне очертания, и я, к своему восторгу и удивлению, понял, что он ведет меня домой, в Килмарт. Дом, в котором Магнус предложил мне пожить летом, находился за небольшим лесом, куда мы и направлялись. Неподалеку паслись шесть или семь пони, и при виде всадника один из них поднял морду и негромко заржал, затем они все вместе подхватились и, взбрыкнув, поскакали прочь. Он проехал через опушку, дорога пошла вниз, и тотчас в низине стал виден крытый соломой каменный дом, стоявший посередине чудовищно грязного двора. Часть дома занимали свинарник и коровник, через отверстие в крыше вился голубой дымок. Единственное, что я узнал, так это лощину, в которой стоял дом.

Мой всадник въехал во двор, спешил и что-то крикнул. Из коровника вышел мальчик и принял от него пони. Он был гораздо моложе и стройнее моего проводника, но глаза у обоих были похожи и так же глубоко посажены — я догадался, что они братья. Он увел пони, а проводник прошел через открытую дверь в дом, в котором была, как показалось на первый взгляд, всего одна комната. Я следовал за ним по пятам, но из-за дыма ничего толком не мог разглядеть, понял только, что стены дома были сложены из глины, смешанной с соломой, а полом служила голая земля, даже без камышового покрытия.

Лестница в дальнем углу вела на чердак, находившийся на высоте всего нескольких футов, и, подняв голову, я увидел соломенные тюфяки, положенные на дощатый настил. В углублении, сделанном в стене, был очаг: над огнем (топливом служили торф и утесник) на двух металлических прутьях, закрепленных в земляном полу, висел чугунок. Перед очагом на коленях стояла девочка с длинными, ниже плеч, распущенными волосами. В ответ на приветствие она подняла голову и улыбнулась.

Я стоял совсем рядом, за его спиной. Внезапно он обернулся и посмотрел прямо на меня. Он был так близ-

ко, что я чувствовал на лице его дыхание. Я инстинктивно вытянул руку, чтобы он не наткнулся на меня. Внезапно я почувствовал резкую боль в руке и увидел, что костяшки пальцев все в крови. В тот же момент я услышал звон разбитого стекла. И тут же все исчезло — и он, и девочка, и чадающий очаг, а я, въехав правой рукой в низкое окно старой кухни в полуподвале моего килмартского дома, стоял в знакомом дворе.

Шатаясь, я вошел в открытую дверь котельной. Мне было очень плохо, но не от вида крови, а потому, что меня страшно рвало, просто выворачивало наизнанку. Содрываясь всем телом, я оперся рукой о каменную стену котельной. Из пораненных пальцев к запястью стекала струйка крови.

Наверху, в библиотеке, зазвонил телефон — громко, настойчиво, словно призыв из забытого, ненужного мира. Я к нему не пошел.

Глава вторая

Прошло, наверное, минут десять, не меньше, прежде чем рвота прекратилась. Я присел на грудку дров в котельной и стал ждать, когда мне будет лучше. Самым неприятным было головокружение — я не решался встать. Порез на руке был небольшой, и вскоре с помощью носового платка мне удалось остановить кровь. С того места, где я сидел, мне были видны разбитое окно и осколки стекла на земле. Возможно, позже удастся восстановить всю картину, определить, где именно стоял мой проводник, вычислить, какую площадь занимал исчезнувший дом, он ведь располагался на месте нынешнего внутреннего дворика и части дома. Но это потом. Сейчас у меня не было на это никаких сил.

Интересно, видел ли меня кто-нибудь, когда я брел через поля, пересекал дорогу у подножия горы, взбирался

по тропе к Тайуордрету. Хорошенькое зрелище, наверное! В том, что я там был, — никаких сомнений. Грязные ботинки, разодранная штанина, влажная от пота рубашка — все это говорило не о развлекательной прогулке к скалам.

Наконец, когда тошнота и головокружение прошли, я осторожно поднялся по черной лестнице в холл, прошел в закуток, где Магнус держал всякий хлам — дождевик, сапоги и прочее, — и взглянул на себя в зеркало, висевшее над раковиной. Вид у меня был более или менее нормальный — слегка побледнел, и только. Срочно нужно было чего-нибудь выпить, и покрепче. Но тут я вспомнил, как Магнус говорил: «Никакого спиртного как минимум в течение трех часов после принятия препарата. Потом немножко можно». Чай, конечно, не то, но вдруг все-таки поможет, и я прошел на кухню — поставить чайник.

Когда Магнус был ребенком, здесь находилась столовая — он переделал ее совсем недавно. Ожидая, пока закипит чайник, я выглянул в окно и посмотрел вниз, во двор. Он был вымощен камнем и со всех сторон окружен старой замшелой стеной. Как-то в порыве энтузиазма Магнус попытался переделать его в уютный патио (так он его называл), где, если вдруг случится невыносимая жара, он мог бы разгуливать нагишом. Его мать, как он мне объяснял, никогда не занималась благоустройством этого двора, потому что в него выходили только окна бывшей кухни.

Теперь я смотрел на этот двор совсем другими глазами. Невозможно представить все то, что я только что здесь видел: грязный двор с коровником, дорога, ведущая к лесу на склоне холма. И я сам, бредущий вслед за всадником через лес. Может, это все были лишь галлюцинации, вызванные чертовым препаратом? Когда я с чашкой чая в руке проходил через библиотеку, снова зазвонил телефон. Я подумал, что это, скорее всего, Магнус, и не ошибся. Его голос, как всегда четкий и уверенный,

привел меня в чувство быстрее, чем любое спиртное, которое мне все равно в данный момент возбранялось пить, или тот же чай. Я уселся на стул и приготовился к долгому разговору.

— Я тебе звонил много раз, — сказал он. — Ты забыл, что обещал сам позвонить в половине четвертого?

— Не забыл, — ответил я. — Просто я был занят кое-чем.

— Догадываюсь чем. Ну как?

Я наслаждался этой минутой. Мне хотелось немного помучить его неизвестностью. Сама мысль об этом наполняла меня приятным ощущением власти. Но я понимал, что это ребячество и что я должен все ему рассказать.

— Сработало, — сказал я. — Стопроцентный успех.

По молчанию на другом конце провода я понял, что для него это полная неожиданность. Он был уверен в неудаче. Когда наконец я вновь услышал его голос, он звучал так тихо, как будто Магнус разговаривал сам с собой.

— Не могу в это поверить, — сказал он. — Просто потрясающе... — Но, как всегда быстро овладев собой, продолжал: — Ты сделал все точно по инструкции, как я тебе велел? Рассказывай все по порядку... Подожди, а ты себя хорошо чувствуешь?

— Да, — сказал я. — Вроде бы да. Хотя чертовски устал, порезал руку, и меня сильно тошнило.

— Пустяки, дружище, сущие пустяки. Это быстро проходит. Продолжай.

Его нетерпение передалось мне, и я пожалел, что он сейчас не здесь, рядом со мной, в этой комнате, а за триста миль отсюда.

— Прежде всего, — начал я, очень довольный собой, — никогда не видел ничего более ужасного, чем твоя, с позволения сказать, лаборатория. Какой-то чулан Синей Бороды, ей-богу! Все эти зародыши в банках, а эта отвратительная обезьянья голова...

— Замечательные экземпляры, и очень ценные, — прервал он. — Не отвлекайся. Я знаю, для чего они мне, а ты — нет. Рассказывай, что произошло.

Я отхлебнул глоток остывшего чая и поставил чашку.

— Я взял ключ, открыл буфет и нашел там пузырьки, — начал я. — На каждом помечено: А, В, С, все как положено. Я отлил ровно три деления из бутылки А в мензурку. Все точно. Затем проглотил содержимое, поставил пузырек и мензурку на место, закрыл буфет, лабораторию и начал ждать, что же будет дальше. Ничего.

Я сделал паузу, чтобы информация как следует дошла до него. Магнус молчал.

— Так вот, — продолжал я, — я вышел в сад. По-прежнему ничего. Ты мне говорил, что время начала действия препарата колеблется от трех-пяти до десяти минут. Я ожидал приступа сонливости, хотя ты вроде об этом не упоминал. Но поскольку вообще ничего не происходило, я решил прогуляться. Перелез через стену возле беседки и по полю направился к скалам.

— Идиот, — сказал он. — Я же велел тебе оставаться в доме, по крайней мере во время первого эксперимента.

— Да, помню. Но, честно говоря, я не ожидал, что препарат подействует. Я решил так: если что-нибудь почувствую, тогда сяду где-нибудь и отдамся во власть прекрасного сна.

— Полный идиот, — повторил он. — Это происходит совсем не так.

— Теперь я и сам знаю.

Затем я описал все, что со мной произошло с того момента, как препарат начал действовать, до того, как я разбил стекло в кухне. Он ни разу меня не прервал, только изредка, когда я замолкал, чтобы перевести дух и сделать глоток чая, он бормотал: «Дальше... дальше».

Когда я закончил, рассказав, как меня выворачивало в котельной, наступило гробовое молчание. Я уже было подумал, что нас разъединили.

— Магнус, ты слышишь меня? — спросил я.

Его голос, отчетливый и громкий, вновь зазвучал в трубке. Он повторил то, что уже сказал в самом начале нашего разговора:

— Потрясающе, просто потрясающе.

Возможно... Честно говоря, я был слишком измучен и разбит после своего рассказа — словно заново проделал все путешествие.

Он заговорил очень быстро, и я живо представил, как он сидит за своим письменным столом в Лондоне и одной рукой держит телефонную трубку, а другой, по обыкновению, тянется за карандашом и за своим неизменным блокнотом.

— Ты хоть понимаешь, — сказал он, — что это самое великое открытие после того, как химики получили теонакатл и олиликвий? Их препараты заставляли мозг работать в разных направлениях, довольно беспорядочно. Мой же действует целенаправленно и вполне определенным образом. Я чувствовал, что нащупал что-то абсолютно новое, но поскольку я испытывал препарат только на себе, то не был уверен, что это не какая-нибудь разновидность галлюциногенов. Если бы это было так, мы оба должны были бы испытывать одинаковое физическое воздействие: потерю осязания, усиление зрительного восприятия и так далее, но при этом никоим образом не оказались бы в одном и том же временном измерении. И это чрезвычайно важно. Просто невероятно.

— Ты хочешь сказать, — заметил я, — что, когда ты испытывал препарат на себе, ты тоже переносился назад во времени? Значит, ты видел то же самое, что и я?

— Вот именно. Для меня это было такой же неожиданностью, как и для тебя. Хотя нет, не совсем — опыт, который я тогда ставил, позволял предположить нечто в этом роде. Это связано с ДНК, энзимным катализатором, молекулярным равновесием и тому подобным — тебе, дружище, этого все равно не понять. Я не собираюсь вдаваться в подробности, но меня сейчас действительно

поразил тот факт, что мы с тобой попали в один и тот же период времени. Судя по их одежде, тринадцатый или четырнадцатый век, так? Я тоже видел того парня, твоего всадника, Роджера, — кажется, так его назвал приор? — и замарашку у очага, и кого-то еще... Ах да, монаха, — сразу вспоминаешь, что в Средние века в Тайуордрете был монастырь. Вопрос вот в чем: вызывает ли препарат определенные изменения в химическом составе участков памяти головного мозга, отбрасывая память назад, к некоей существовавшей в прошлом термодинамической ситуации, — и при этом в других отсеках мозга воспроизводятся некогда испытанные ощущения. Если это так, почему возникающая комбинация молекул выбирает из прошлого один момент, а не другой? Почему не вчера, не пять лет назад, не сто двадцать? Возможно — и это, пожалуй, самое захватывающее, — что под влиянием препарата возникает какая-то мощная связь между тем, кто принимает препарат, и тем, кто в виде самого первого образа запечатлен в его мозгу. Мы оба видели всадника. Желание следовать за ним было непреодолимым — и ты, и я это испытали. Пока не могу только еще понять, почему ему выпала роль Вергилия, если принять, что мы с тобой выступали в роли Данте в путешествии по этому своеобразному аду. Но именно он всегда в этой роли. Я совершил несколько таких «путешествий», пользуясь терминологией наших студентов, и он всегда вел меня за собой. Не сомневаюсь, ты увидишь его и в следующий раз. Он — бессменный проводник.

Я нисколько не удивился, услышав, что и дальше должен выполнять роль подопытного кролика. Это было вполне в духе нашей многолетней дружбы: и когда мы вместе учились в Кембридже, и после его окончания. Магнус заказывал музыку, а я под нее плясал. Боже мой, сколько сомнительных авантюр на нашем счету — в студенческие годы, особенно на старших курсах, да и позже, когда наши пути разошлись: он занялся биофизикой, стал

профессором Лондонского университета, а я погряз в рутине издательских дел. Первая трещина в наших отношениях наметилась три года назад, когда Вита стала моей женой. Возможно, это было и к лучшему для нас обоих. Поэтому предложение воспользоваться на время летнего отдыха его домом явилось для меня полной неожиданностью. Я принял его с благодарностью, поскольку в данный период не работал и мне нужно было спокойно обдумать одно предложение: Вита настаивала, чтобы я согласился на пост директора в преуспевающем нью-йоркском издательстве ее брата. Теперь же я начинал понимать, что широкий жест Магнуса был не таким уж бескорыстным. Он купил меня возможностью хорошо отдохнуть, соблазнив тишиной сада, прогулками под парусом по заливу, но мне стало ясно, что за отдых меня ожидал.

— Послушай, Магнус, — сказал я. — Сегодня я пошел на это потому, что мне, во-первых, самому было любопытно, а во-вторых, я был пока один. Так что не имело большого значения, подействует препарат или нет. Но ни о каком продолжении не может быть и речи. Когда придет Вита с детьми, я буду связан по рукам и ногам.

— Когда они приезжают?

— У мальчиков каникулы в школе начинаются через неделю. Вита прилетит за ними из Нью-Йорка, а затем сразу привезет их сюда.

— Отлично. За неделю можно много успеть. Сейчас мне пора идти. Позвоню тебе завтра в это же время. До свидания.

Он повесил трубку. Я же остался сидеть с трубкой в руке, в голове крутились сотни вопросов, которые я не успел задать. Так ни о чем толком и не договорились. Черт бы побрал эту манеру Магнуса. Он даже не сказал, какие могут быть отрицательные последствия этого зелья — смеси синтетического грибка и клеток головного мозга обезьяны, всей этой мерзости, которую он хранит в своих пузырьках. А вдруг у меня опять начнется рвота

или головокружение. Или я неожиданно ослепну, или сойду с ума, а может быть, и то и другое. Пошел-ка он к черту со своим дурацким экспериментом...

Я решил, что надо подняться и принять ванну. Наверняка мне станет легче, когда я сброшу с себя потную рубашку, рваные брюки, вообще все, и полежу в теплой воде с каким-нибудь приятным шампунем. Надо заметить, что Магнус отличался весьма изысканным вкусом. Вита, несомненно, оценит спальню, которую он нам предоставил, — между прочим, свою собственную спальню, с ванной, гардеробной и потрясающим видом на залив.

Я залез в ванну, наполненную до краев, и стал вспоминать наш последний разговор в Лондоне, когда он предложил мне участвовать в этом сомнительном опыте. Сначала он просто сказал, что если я хочу куда-нибудь поехать с мальчиками на время школьных каникул, то его дом в Килмарте в моем полном распоряжении. Я позвонил Вите в Нью-Йорк, уговаривая ее принять это предложение. Вита отнеслась к такой затее без особого восторга. Как и многие американки, она тепличное растение и предпочитает отдых под средиземноморским солнцем — и обязательно чтоб казино было под боком. У нее было немало аргументов против: в Корнуолле постоянно льет дождь, и кто знает, тепло ли в доме; и как и где мы будем питаться. Я успокоил ее по всем пунктам и даже пообещал, что по хозяйству ей будет помогать женщина из соседней деревни, которая приходит по утрам убирать дом. Наконец мне удалось ее убедить. Главным доводом в пользу положительного решения, как я думаю, оказались посудомоечная машина и огромный холодильник, о которых я упомянул, описывая новую кухню. Когда я рассказал обо всем Магнусу, он чрезвычайно веселился.

— Женаты каких-то три года, — сказал он, — а посудомоечная машина значит для вашей супружеской жизни больше, чем двуспальная кровать, которую я по широте душевной вам предоставляю. Ой, боюсь, недолго

она протянет, я имею в виду, конечно, вашу супружескую жизнь, а не свою кровать.

Я коснулся весьма щекотливой темы — моего брака, который после первых восторженных и страстных двенадцати месяцев вошел в стадию некоторого кризиса. Но трудности возникли главным образом из-за того, что Вита желала, чтобы я переехал в Штаты, мне же не хотелось уезжать из Англии. В общем-то, Магнуса мало трогали и мой брак, и моя будущая работа, и он перевел разговор на свой дом — как он его перестроил после смерти родителей. Когда мы учились в Кембридже, я несколько раз бывал там, и вот теперь он рассказывал, что переделал старую прачечную в полуподвальном помещении в лабораторию — так, для собственного удовольствия, — чтобы иметь возможность на досуге заниматься экспериментами, которые никак не связаны с его основной работой в Лондоне.

К последней нашей встрече он хорошо подготовился, приправив все прекрасным ужином. Я, как всегда, уже был полностью под властью его обаяния, когда он неожиданно сказал:

— Кажется, одна часть моих исследований завершилась успехом: я получил путем соединения растительного и химического элементов наркотический препарат, который оказывает совершенно необычное воздействие на мозг.

Магнус сказал это как бы между прочим — он всегда так делал, когда говорил о чем-то для него важном.

— Я думал, что все так называемые сильные наркотики оказывают подобное воздействие, — сказал я. — Те, кто принимает, например, такие наркотики, как мескалин, ЛСД и тому подобное, переносятся в некий фантастический мир, где растут экзотические цветы, и им представляется, что они в раю.

Он подлил мне коньяку.

— В том мире, куда попал я, не было ничего фантастического, — сказал он. — Это был самый реальный мир.

Мне стало любопытно. При его эгоцентризме мир вне его должен был обладать чем-то необыкновенным, чтобы привлечь его внимание.

— И что же это за мир? — спросил я.

— Мир прошлого, — ответил он.

Помню, что при этих словах я рассмеялся и поднял рюмку с коньяком:

— Ты имеешь в виду свои прошлые грехи? Проступки беспутной юности?

— Нет-нет. — Он с досадой покачал головой. — Ко мне лично это не имело никакого отношения. Я был только наблюдателем. Дело в том... — Он замолчал и пожал плечами. — Нет, я не буду рассказывать, что я там видел, а то испорчу тебе весь эксперимент.

— Испортишь эксперимент? Мне?

— Да, я хочу, чтобы и ты испытал этот препарат. Мне нужно проверить, окажет ли он на тебя такое же воздействие.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал я ему. — Мы уже не в Кембридже. Двадцать лет назад я, возможно, и проглотил бы какое-нибудь твоё зелье с риском для жизни. Но теперь — ни за что.

— Никто не просит тебя рисковать жизнью, — сказал он нетерпеливо. — Все, что нужно, — это чтобы ты потратил минут двадцать, ну от силы час, когда тебе абсолютно нечего будет делать, и, пока не приехала Вита с детьми, испытал бы препарат. Имей в виду, что, возможно, он совершит полный переворот в нашем представлении о времени.

Вне всякого сомнения, он говорил совершенно серьезно. Передо мной сидел не тот легкомысленный Магнус, которого я знал в Кембридже, а профессор биофизики, известный специалист в своей области. И хотя я плохо понимал, чем же он занимается, мне было совершенно ясно: если Магнус говорит, что создал какой-то удиви-

Дюморье Д.

Д 96 Дом на берегу : роман / Дафна Дюморье ; пер. с англ. Л. Бондаренко, Н. Зониной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-10712-0

«Дом на берегу» (1969) — одно из последних произведений английской писательницы Дафны Дюморье, имя которой известно во всем мире. Действие романа, как и многих других прославленных сочинений Дюморье, включая «Ребекку», «Трактир „Ямайка“», «Кузину Рейчел», разворачивается на фоне завораживающих пейзажей Корнуолла, где прошла большая часть жизни писательницы. В старинный дом на берегу залива приезжает Дик Янг, надеясь отдохнуть там от суеты лондонской жизни. Особняк принадлежит его давнишнему приятелю Магнусу Лейну, профессору биофизики. В обмен на гостеприимство Магнус просит Дика испытать на себе действие созданного им «эликсира», который, как уверяет профессор, обладает весьма необычным свойством соединять прошлое и будущее. Иной мир, в который погружается Дик, оказывается намного реальнее той жизни, которую он вел до сих пор...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ДОМ НА БЕРЕГУ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.04.2018. Формат издания $84 \times 108 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AUM-18741-01-R